

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

В.И. Ярошевич*

Исследуются методологические аспекты анализа социальной сферы как фактора макроконкурентоспособности с акцентом на здравоохранение, образование и науку. Именно эти составляющие социальной сферы обеспечивают отдачу от социального капитала в рамках инновационного процесса при условии адекватного кадрового и финансового обеспечения, гарантированного государством. Особая роль государства определяется множеством факторов, ключевым из которых представляется необходимость постоянного генерирования новых знаний и невозможность их приватизации в условиях глобализации и новой индустриализации. Делается вывод о том, что дальнейшая господдержка развития здравоохранения, образования и науки в Беларуси укрепит ее макроконкурентоспособность.

Ключевые слова: макроконкурентоспособность, социальная сфера, постсоциалистическая трансформация.

JEL-классификация: F63, H50, P20.

Материал поступил 19.01.2018 г.

Несмотря на то, что в наиболее известных концепциях макроконкурентоспособности в качестве ее ключевого фактора социальная сфера не рассматривается, особенности развития мировой экономики на современном этапе указывают на то, что именно она определяет экономический успех как отдельных стран, так и их объединений. Действительно, если макроконкурентоспособность вытекает из способности накапливать и использовать социальный капитал, то логичным будет предположение о том, что такого рода свойство определяется прежде всего уровнем развития социальной сферы, в особенности образования и науки (Кристиневич, 2017). Именно эти составляющие социальной сферы обеспечивают сбор, обработку и передачу информации, которая при наличии соответствующей материальной и институциональной инфраструктуры может использоваться для создания и продвижения инноваций – важнейшего конкурентного преимущества в условиях научно-технического прогресса (НТП) и его текущей стадии, часто опреде-

ляемой как новая индустриализация (Ярошевич, 2017а).

Социальная не может оцениваться с точки зрения способности приносить прибыль. Тем не менее ее «продуктами» пользуются все, в том числе и коммерческий сектор, для которого она не только готовит здоровую, квалифицированную и мотивированную рабочую силу, но и создает благоприятные условия для осуществления коммерческой деятельности (в том числе, что особенно актуально в последнее время, в области общественной и национальной безопасности), способствует развитию спроса, помогает в инновационном процессе. В свою очередь, уровень развития социальной сферы определяется ее структурными характеристиками и финансированием, а также доступностью, которая важна не только с точки зрения социальной справедливости, но и в экономическом плане.

Современная социальная сфера – это сложная система с множеством составляющих (подсистем), многие из которых тесным образом связаны как сами с собой, так

* **Ярошевич Вячеслав Иванович** (yarashevich@bsu.by), кандидат экономических наук, доцент, докторант Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

и с ключевыми подсистемами национальной экономики, в особенности промышленной и финансовой. Так, например, науку можно рассматривать и как отдельный компонент социальной сферы, и как важный элемент любого народнохозяйственного комплекса с учетом постоянно возрастающего влияния научно-технического прогресса и ее особой роли в генерировании и трансмиссии инноваций. Объективным образом наука связана и со всеми подсистемами социальной сферы, в особенности образованием и здравоохранением, где она играет важнейшую роль не только в поиске, обработке и практическом внедрении специфических новых знаний, но и в кадровом обеспечении. В целом же уместным представляется предположение о чрезвычайно сложной природе взаимоотношений в современной социальной сфере, несмотря на то, что ее отдельные составляющие, как правило, координируются отдельными государственными институтами (законами, нормами, ведомствами и т. п.). Таким образом, социальную сферу сложно представить в виде схемы с какими-либо упорядоченными или иерархичными связями – они постоянно меняются под воздействием НТП, глобализации и других факторов, определяющих характер современных международных экономических отношений.

Параметры эффективности и роль государства в финансировании социальной сферы

В рамках дискурса о макроконкурентоспособности при анализе социальной сферы объективно возникает вопрос о ее функциональной эффективности. Она может определяться, с одной стороны, наличием квалифицированных, мотивированных и производительных профессионалов в каждой из указанных и множества других подсистем, а с другой – современной материальной и институциональной инфраструктурой, постоянно совершенствующейся под воздействием научно-технического прогресса и социальных инноваций. Все это требует адекватного финансирования, так как в силу своей некоммерческой природы социальной сфере сложно быть самоокупаемой. Адекватность в данном слу-

чае означает не только постоянный характер, но и высокий уровень, достаточный для качественного обеспечения как кадрами, так и материальной базой. Очевидно, что бюджетное или государственное финансирование, являясь оптимальным с точки зрения постоянства, вряд ли может быть достаточным, особенно в условиях постсоциалистической трансформации, для которой характерно сокращение экономических возможностей государства в широком смысле (Kornai, 2001). Особенно серьезным этот вызов представляется для постсоциалистических стран с малой экономикой, так как, с одной стороны, их возможности генерировать финансовые ресурсы для обеспечения довольно развитой социальной сферы, унаследованной из социалистической эпохи, ограничены их размером и зависимостью от состояния внешнего спроса, но с другой – именно социальная сфера обеспечивает как наличие таких возможностей в принципе, так и поиск новых (Ярошевич, 2017b).

Для преодоления ограничений, связанных с бюджетным финансированием социальной сферы, в мировой экономике используются различные механизмы, наиболее распространенным среди которых является страхование. При этом оно может быть как общественным обязательным (например, социальное страхование в Великобритании и многих других промышленно развитых странах), так и частным добровольным¹. Страховые механизмы позволяют сократить открытую фискальную нагрузку на субъекты хозяйствования, не снижая общий объем финансовых ресурсов, перераспределяемых на ключевые компоненты социальной сферы, что, безусловно, благоприятно отражается на себестоимости и конкурентоспособности производимой продукции. Они также стимулируют развитие национальных фондовых рынков как важнейших источников внутренних долгосрочных инвестиционных ресурсов, способствуют укреплению индивидуальной ответственности за социальное обеспечение и снижению патернализма в обществе. Однако страхование связано с дополнительными из-

¹ Social Security Programs Throughout the World. International Social Security Association. URL: https://www.issa.int/en_GB/ssptw

держками и может негативно сказываться на охвате и доступности социальных услуг. Кроме того, в странах с малой экономикой одним из существенных барьеров, сдерживающих широкое распространение страховых механизмов в качестве действенного инструмента финансирования социальной сферы, является отсутствие эффекта масштаба, а следовательно, и низкий инвестиционный интерес со стороны крупных международных корпораций, обладающих необходимыми финансовыми ресурсами и ноу-хау. Наконец, в условиях постсоциалистической трансформации внедрение страхования сдерживается низкой страховой и в целом финансовой культурой наряду с сильными патерналистскими настроениями, с одной стороны, и инфляционно-девальвационными ожиданиями, минимизирующими спрос на долгосрочные финансовые продукты и, как следствие, развитие их предложения – с другой (Манцурова, 2013).

Таким образом, очевидно, что, несмотря на все ограничения, для постсоциалистических стран, в особенности тех из них, которые отличаются малой экономикой и интегрируются с более крупными партнерами в схожем политэкономическом контексте, государственное финансирование может быть наиболее оптимальным вариантом, по крайней мере в среднесрочной перспективе. В связи с этим показательным является пример скандинавских стран – Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции. На протяжении последних полсотни лет для них характерен стабильно более высокий, чем в среднем по мировой экономике, уровень госрасходов на конечное потребление². При этом если в мире с 1960 г. последний показатель увеличился лишь на 27,6%, то в среднем по скандинавским государствам он вырос практически вдвое – с 13% до 25%³. Обращают на себя внимание и видимые скачки доли госрасходов в этих странах в периоды глобальной экономической нестабильности – 1970-е годы, на рубеже веков и после 2008 г. Очевидно, госфинансирование не только сглаживало негативные социальные последствия экономических потрясений, среди которых мировой финансовый кризис 2008 года, но и в определенной мере компенсировало вероятное сокращение частного финансирования, в том числе в рамках страховых механизмов (рис. 1).

Учитывая специфический исторический опыт постсоциалистических государств, после распада СССР логично было бы ожидать усиления относительной доли госрас-

ходов на приобретение товаров и услуг, включая компенсацию работников. Он также отражает большую часть расходов на национальную оборону и безопасность за исключением тех военных госрасходов, которые являются частью государственного формирования капитала (URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVT.ZS>).

² Данный показатель отражает все текущие госрасходы на приобретение товаров и услуг, включая компенсацию работников. Он также отражает большую часть расходов на национальную оборону и безопасность за исключением тех военных госрасходов, которые являются частью государственного формирования капитала (URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVT.ZS>).

³ Здесь и далее средние показатели по объединениям стран рассчитаны как средние арифметические доступных значений в соответствующие периоды.

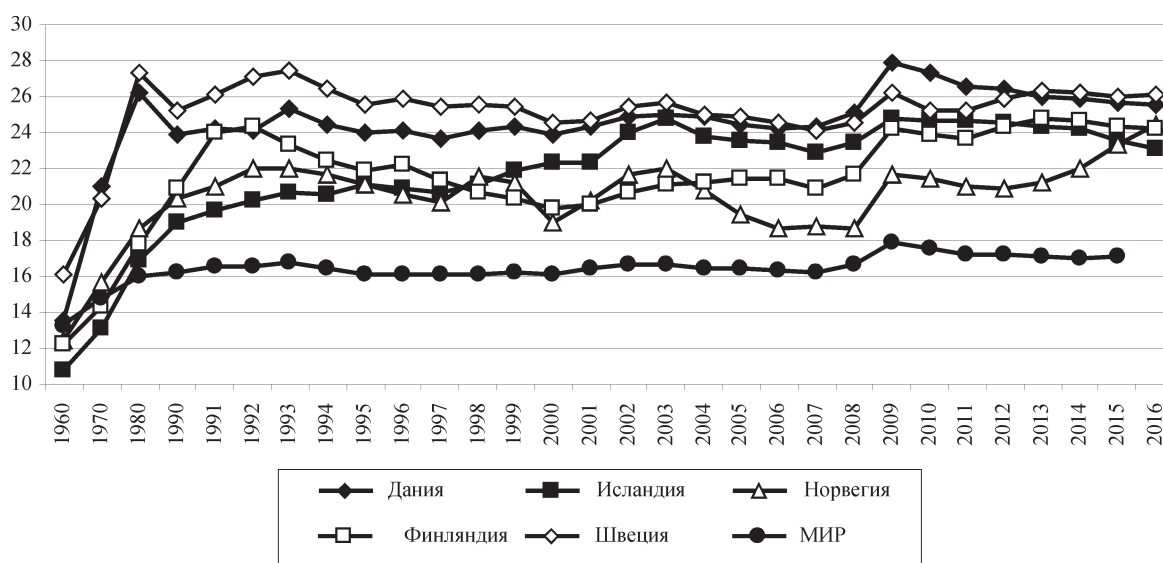

Рис. 1. Уровень госрасходов на конечное потребление к ВВП в 1960–2016 гг., %

Источник. Построено по данным URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVT.ZS>

ходов в их ВВП, но на практике имели место прямо противоположные процессы, обусловленные прежде всего идеологическими факторами, в особенности продвижением неолиберальной доктрины, нацеленной на минимизацию роли государства как в экономической, так и в других, в том числе и социальной, сферах. Так, в 1990 г. в среднем по региону (17 стран с доступными данными) доля госрасходов на конечное потребление составляла 19% от ВВП, находясь ровно посередине между средним по миру показателем (16,2%) и скандинавских стран (21,9%). При этом по республикам СССР доля госрасходов на конечное потребление на уровне 21,2% от ВВП была практически такой же, как и в скандинавских странах, а в Чехословакии – даже выше (23,9%, или практически столько же, сколько и в Дании, а в 1989 г. она даже превышала уровень Швеции – 25,1% и 24,2% соответственно)⁴. Однако спустя всего лишь одно десятилетие средний уровень госрасходов на конечное потребление в постсоциалистическом мире (16,8% для 27 стран) уже практически не превышал среднемировой (16,1%) и отставал от скандинавского (21,9%) почти на четверть. Данная диспозиция в целом сохранилась и к настоящему времени: в 2015 г. средний уровень госрасходов в ВВП 28 бывших соцстран полностью сравнялся с общемировым и еще больше отстал от скандинавского (табл. 1).

Следует, однако, отметить, что в периоды глобальной экономической нестабильности последних двух десятилетий у бывших соцстран, так же, как и у их скандинавских соседей, можно наблюдать повышение доли госрасходов, хотя и гораздо менее выраженное. При этом в скандинавских странах особенно очевидна тенденция увеличения удельной доли госрасходов в ВВП после 2008 г., ознаменовавшегося началом мирового финансово-экономического кризиса, что еще раз подчеркивает их ключевую роль в обеспечении стабильного функционирования различных компонентов социальной сферы как важнейшей составляющей современной экономики. Для этих стран характерен и общий тренд увеличения уровня госрасходов в ВВП

с начала 1990-х годов, резко контрастирующий с трендом их снижения в постсоциалистических странах (рис. 2). В то же время еще в 2007 г. известный российский экономист С. Глазьев обращал внимание на ключевую роль государства в финансировании науки и образования как движущих сил экономического развития:

«Более чем четырехкратное увеличение уровня государственных расходов в течение последнего столетия (с 10% ВВП в конце XIX века до 40–50% ВВП в конце XX века и в настоящее время) объясняется резко возросшей ролью НТП в генерировании экономического роста.

Таблица 1

Уровень госрасходов на конечное потребление к ВВП в бывших соцстранах, 1990–2016 гг.

Страна	Год						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Азербайджан	17,6	12,8	9,5	10,4	10,9	12,4	13,4
Албания	18,5	13,6	9,5	10,9	11,2	11,2	11,0
Армения	18,3	11,2	11,8	10,6	13,1	13,1	13,8
Беларусь	23,8	20,6	19,5	20,8	16,0	14,9	16,0
Болгария	18,2	16,7	20,0	18,8	16,5	16,1	15,8
Босния и Герцеговина	-	-	-	21,6	22,8	21,6	-
Венгрия		22,9	21,1	22,2	21,6	20,0	20,2
Грузия	10,0	10,9	8,5	17,3	21,1	17,9	18,4
Казахстан		13,6	12,1	11,2	10,8	11,6	12,2
Кыргызстан	25,0	19,5	20,0	17,5	18,1	17,2	-
Латвия	-	23,5	20,7	17,8	18,4	18,0	17,5
Литва	-	24,0	22,4	18,5	19,8	17,6	17,7
Македония	19,0	18,6	16,9	16,2	18,3	16,7	15,7
Молдова	-	27,1	10,3	15,7	23,9	20,5	19,0
Польша	21,0	18,9	18,1	18,3	19,1	18,0	17,9
Россия	20,8	19,1	15,1	16,9	18,7	17,5	18,1
Румыния	13,3	12,7	17,2	17,1	15,9	13,7	14,1
Сербия	-	17,3	18,2	19,5	18,5	16,2	16,2
Словакия	22,4	20,3	19,4	18,3	19,6	19,5	19,5
Словения	-	18,0	18,5	18,7	20,3	18,7	18,9
Таджикистан	8,8	15,8	8,3	14,6	11,3	14,8	-
Туркменистан	23,3	11,9	14,2	13,2	9,3	-	-
Узбекистан	25,4	22,3	18,7	17,6	15,8	15,8	15,8
Украина	16,5	21,3	20,9	18,6	20,1	18,9	19,4
Хорватия	-	24,9	21,3	18,3	20,1	19,7	19,6
Черногория	-	-	21,9	29,9	22,1	19,4	20,4
Чехия	21,5	19,9	19,5	20,4	20,5	19,5	19,4
Эстония	-	25,9	19,1	16,8	20,1	20,3	20,6
<i>СРЕДНЕЕ</i>	19,0	18,6	16,2	17,4	17,6	17,1	17,1
СССР	21,2	-	-	-	-	-	-
Чехословакия	23,9	-	-	-	-	-	-
Югославия	17,6	-	-	-	-	-	-

Источник. Рассчитано на основе данных URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVZS>

⁴ URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Социальная сфера как фактор макроконкурентоспособности

Рис. 2. Динамика доли госрасходов на конечное потребление в постсоциалистических и скандинавских странах к ВВП в 1990–2016 гг., %

Источник. Построено по данным URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOV.T.ZS>

В силу специфической открытости науки и образования для общего пользования и невозможности приватизации знаний государство вынуждено финансировать около половины совокупных расходов на НИОКР и подавляющую часть расходов на образование. Именно за счет этих составляющих произошло многократное увеличение расходов государства, которое в условиях современного НТП вынуждено стать государством развития, приняв на себя обязательства по финансированию расходов на воспроизводство интеллектуально-человеческого потенциала и генерирование новых знаний» (Глазьев, 2007).

Связь социальной сферы с макроконкурентоспособностью

Эмпирическую проверку наличия прямой положительной связи между состоянием социальной сферы и макроконкурентоспособностью можно проводить различными способами, одним из наиболее простых среди которых может быть сопоставление ИЧР (индекса человеческого развития) (англ. HDI – Human Development Index) ПРООН с наиболее известным индексом конкурентоспособности ВЭФ (Всемирного экономического форума) (англ. WEF – World Economic Forum)⁵. В данном случае можно обнаружить, что для всех стран с очень высоким уровнем человеческого развития, выраженным значением ИЧР выше 80%, также характерно и высокое значение индекса глобальной конкурентоспособности ВЭФ – в среднем 4,9

балла, или 69,3% по фактическому диапазону от 2,87 до 5,86 балла в 2017 г. Соответствующие средние значения для стран с высоким ИЧР (от 70% до 80%) составили 45,6%, со средним ИЧР (от 55% до 70%) – 38,7%, с низким (до 55%) – всего 17,3% (рис. 3). Все это указывает на очевидную прямую связь между уровнем человеческого развития, естественным образом отражающим уровень развития социальной сферы, и международной конкурентоспособностью, по крайней мере в трактовке одного из ведущих исследовательских центров, занимающихся данной проблематикой.

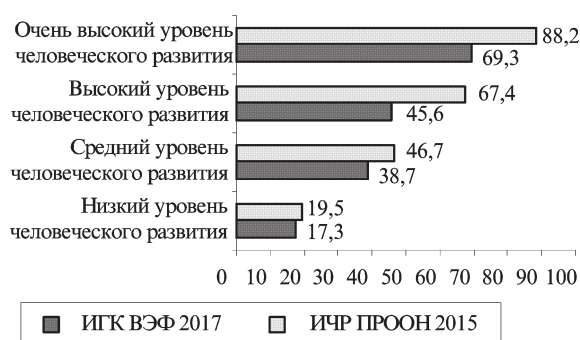

Рис. 3. Соотношение средних значений индексов человеческого развития ПРООН и глобальной конкурентоспособности ВЭФ по группам стран в соответствии с уровнем их человеческого развития и по фактическому диапазону

Источник. Авторская разработка по данным URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI>; URL: <https://widgets.weforum.org/global-competitiveness-report-2017/>

⁵ Всемирный экономический форум – некоммерческая швейцарская организация, основанная в 1971 г. профессором Женевского университета К. Швабом, которая публикует Доклады о всемирной конкурентоспособности с 1979 г.

Следует, однако, отметить, что индекс человеческого развития фиксирует лишь три базовые характеристики – уровень грамотности, ожидаемую продолжительность жизни и уровень доходов по паритету покупательной способности⁶. В свою очередь индекс глобальной конкурентоспособности ВЭФ учитывает чрезвычайно большое количество в основном макроэкономических показателей, но охватывает далеко не все страны (137 в 2017 г., тогда как ИЧР – 188 в 2015 г.)⁷. Кроме того, индекс ВЭФ никогда не включал Республику Беларусь, из чего вытекает целесообразность использования альтернативных, более простых и емких подходов к подтверждению прямой положительной взаимосвязи между уровнем развития социальной сферы и макроконкурентоспособностью в ее широкой трактовке (Ярошевич, 2016).

Одним из таких подходов может быть анализ ключевых параметров социальной сферы в промышленно развитых странах, членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с их последующим сравнением с соответствующими параметрами постсоциалистических стран. Так как ОЭСР представляет собой своеобразный клуб так называемых «зрелых», или «продвинутых», экономик (*англ.* mature/advanced) с довольно стабильным составом (35 членов с 17% мирового населения) и удельным ВВП, в восемь раз превышающим соответствующий показатель остального мира (рис. 4), уже само по себе членство в нем может отражать высокий уровень макроконкурентоспособности⁸.

Действительно, практически у всех членов ОЭСР соответствующий швейцарский

⁶ URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>

⁷ WEF. 2017. The Global Competitiveness Report 2017–2018.

⁸ Согласно информации на портале Центра ОЭСР в Научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» история данной организации «начинается в апреле 1948 г., когда была создана Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), основная цель которой заключалась в координации деятельности государств по хозяйственному восстановлению Западной Европы на основе плана Маршалла (1948–1951)». URL: <https://oecdcentre.hse.ru/tasks/ОЕЭС> и основанная на ее базе в 1960 г. ОЭСР (совместно с США и Канадой) должны были способствовать экономической интеграции Западной Европы как механизму «предотвращения тех ошибок, которые после Первой мировой войны привели ко Второй путем сотрудни-

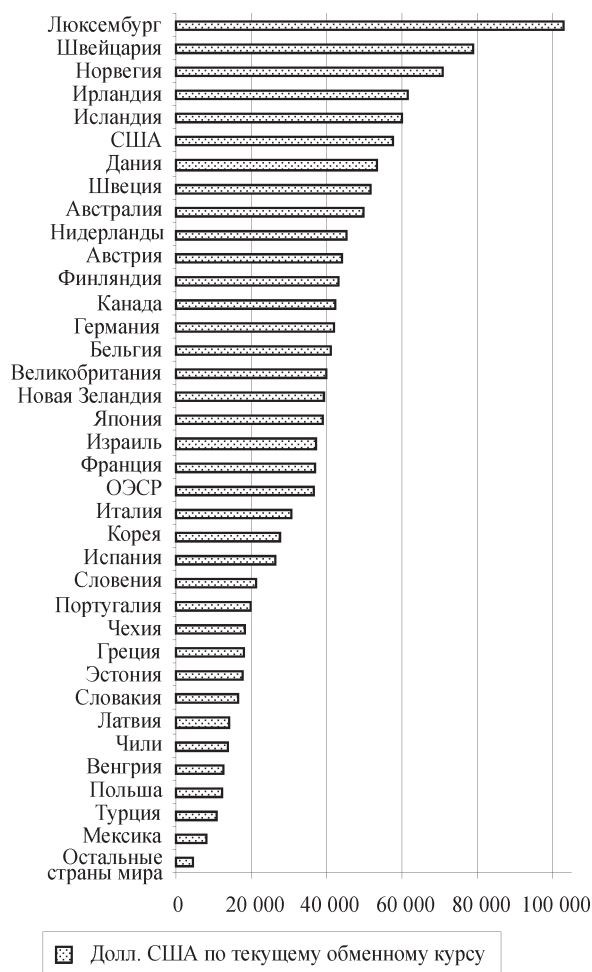

Рис. 4. Удельный ВВП в странах ОЭСР и в среднем по остальным странам мира в 2016 г.

Источник. Авторская разработка по данным URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>

индекс стабильно находится на более высоком уровне, как, впрочем, и индекс человеческого развития ПРООН. И хотя сравнение средних арифметических значений по фактическим диапазонам обоих индексов может показаться не совсем корректным, тем не менее оно указывает на очевидный водораздел между членами и не членами ОЭСР, выраженное в практически двукратной раз-

чества и реконструкции, а не наказанию проигравших стран». URL: <http://www.oecd.org/about/history/> На сегодняшний день членами организации являются 35 стран, среди которых только 10 неевропейских и 3 развивающиеся (Мексика, Турция и Чили). При этом абсолютное большинство членов (20) являются таковыми с момента подписания Конвенции ОЭСР 14 декабря 1960 г., а в последнюю четверть века организация пополнилась лишь 10 новыми членами, 7 из которых – бывшие соцстраны, в том числе 3 – с малой экономикой (Латвия, Словения и Эстония). URL: <http://www.oecd.org/about/membersandpartners/list-oecd-member-countries.htm>

нице как по индексу человеческого развития, так и по индексу глобальной конкурентоспособности (табл. 2).

Сопоставление индексов глобальной конкурентоспособности и человеческого развития членов ОЭСР и остальных стран мира

Методологические аспекты анализа социальной сферы как фактора макроконкурентоспособности

Исходя из предположения о том, что уровень развития современной социальной сферы определяется прежде всего ее кадровым и финансовым обеспечением, в качестве важнейших показателей здесь можно использовать данные по количеству и компенсации (там, где это возможно) специалистов, а также данные расходов на основные составляющие социальной сферы (как правило, к ВВП и с учетом в них бюджетной или государственной доли)⁹. При этом сравнительный характер анализа неизбежно связан с проблемой доступности, авторитетности, полноты и сопоставимости данных и предопределяет необходимость выделения наиболее важных составляющих социальной сферы с точки зрения макроконкурентоспособности¹⁰. Одним из ориентиров здесь могут быть цели устойчивого развития ООН, в рамках которых акцент делается на здравоохранение, образование и социальное обеспечение (в особенности детей, пожилых и людей с ограниченными возможностями)¹¹. Но если кадровый и финансовый потенциал здравоохранения и образо-

Страна/ объединение	Индекс человеческого развития ПРООН 2015		Индекс глобальной конкурентоспособности ВЭФ 2017	
	фактическое значение	% по диапазону фактических значений	фактическое значение	% по диапазону фактических значений
Австралия	0,949	98	5,40	85
Австрия	0,893	91	5,25	78
Бельгия	0,896	91	5,23	79
Великобритания	0,910	93	5,51	88
Венгрия	0,836	81	4,33	49
Германия	0,926	96	5,65	93
Греция	0,866	86	4,02	39
Дания	0,925	96	5,39	84
Израиль	0,899	92	5,31	82
Ирландия	0,923	96	5,16	77
Исландия	0,921	95	4,99	71
Испания	0,884	89	4,70	61
Италия	0,877	90	4,54	56
Канада	0,920	95	5,35	83
Корея	0,901	92	5,07	74
Латвия	0,830	80	4,40	51
Люксембург	0,898	91	5,23	79
Мексика	0,762	69	4,44	53
Нидерланды	0,924	96	5,66	93
Новая Зеландия	0,915	94	5,37	84
Норвегия	0,949	100	5,40	85
Польша	0,855	84	4,59	58
Португалия	0,843	82	4,57	57
Словакия	0,845	83	4,33	49
Словения	0,890	90	4,48	54
США	0,920	95	5,85	100
Турция	0,767	70	4,42	52
Финляндия	0,895	91	5,49	88
Франция	0,897	91	5,18	77
Чехия	0,878	88	4,77	64
Чили	0,847	83	4,71	62
Швейцария	0,939	98	5,86	100
Швеция	0,913	94	5,52	89
Эстония	0,865	86	4,85	66
Япония	0,903	92	5,49	88
ОЭСР*	0,887	90	5,04	73
Остальные страны мира**	0,656	51	4,04	39

⁹ Принимая во внимание довольно специфический характер предложенных показателей, их анализ в хронологическом формате, использованном при оценке макроконкурентоспособности, может быть затруднен вероятным отсутствием сопоставимых данных, поэтому в некоторых случаях целесообразно будет учитывать только наиболее современные данные.

¹⁰ Тем не менее это в полной мере не решает проблем с исходными данными, в особенности касающихся уровня оплаты труда в здравоохранении и образовании.

Примечание. * среднее арифметическое по 35 членам организации;

** среднее арифметическое по количеству стран с доступными данными (153 по индексу человеческого развития ПРООН и 100 по индексу глобальной конкурентоспособности ВЭФ).

Источник. Рассчитано на основе данных URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI>; URL: <https://widgets.weforum.org/global-competitiveness-report-2017/>

вания оценить достаточно просто, то с социальным обеспечением такая оценка может быть менее уместной. Действительно, в этой сфере на первый план выходят структурные характеристики, касающиеся охвата и уровня возмещения, а не вопросы кадрового обеспечения, какими бы актуальными они не были сами по себе. Поэтому для того чтобы, с одной стороны, остаться в рамках выбранной методологии, а с другой – не усложнять параметры исследования, третьей составляющей социальной сферы, в наибольшей степени связанной с макроконкурентоспособностью, целесообразно выделить сферу науки (научных исследований и разработок / НИОКР – научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ / *англ.* R&D – research and development). И хотя во многих странах мира она считается в большей степени экономической, нежели социальной, особенно в плане финансирования, с учетом ее особой общественной значимости и сложившегося к ней отношения в постсоциалистическом мире анализ ее в рамках именно социальной сферы представляется вполне оправданным.

Кадровое обеспечение каждой из выделенных составляющих определяется множеством параметров, но базисным среди них можно считать наличие квалифицированных специалистов. Как правило, в сравнительных экономических исследованиях выделяются наиболее значимые профессиональные категории, что обусловлено прежде всего проблемой доступности и сопоставимости надежных статистических данных (Dräger, Dal Poz, Evans, 2006; Siniscalco, 2004)¹². При этом если в большинстве случаев применяются так называемые прямые удельные показатели, т. е. рассчитанные исходя из количества специалистов на определенное количество населения, то в образовании, например, принято использовать так называемые обратные показатели –

количество учащихся на преподавателя. В свою очередь в здравоохранении выделяют такие категории, как специалисты хирургического профиля (хирурги), общего профиля (терапевты) и вспомогательный медперсонал (акушерки и медсестры), тогда как в науке акцент делается на исследователей и общее кадровое обеспечение (хотя довольно часто особым образом выделяют и вспомогательный научный персонал – лаборантов и техников). В любом случае из-за различий в национальной методологии приоритет отдается статистическим данным и аналитике специализированных международных организаций, как правило, системы ООН или группы Всемирного банка.

При анализе кадрового обеспечения каждой из составляющих социальной сферы исследование уровня компенсации является, пожалуй, наиболее сложным. Помимо привычных методологических ограничений это также обусловлено и курсовыми колебаниями, вызывающими необходимость использования паритета покупательной способности. Вероятно поэтому в открытых базах данных международных организаций системы ООН и группы Всемирного банка невозможно найти не только данные о размерах зарплаты конкретных профессиональных категорий, но и средние по экономике¹³. Использование же национальной статистики, как правило, дает возможность установить лишь размер средней зарплаты по видам экономической деятельности, но не по категориям работников в соответствии с их профессиональной квалификацией¹⁴. Как следствие, оценку уровня компенсации кадров в каждой из трех ключевых составляющих социальной сферы целесообразно проводить через сопоставление имеющихся данных по видам деятельности и/или категориям работников со средней зарплатой по группировке, рассчитанной как среднеарифметическое со-

¹¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: одобр. резолюцией A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи, 25 сентября 2015 г. Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/285/75/PDF/N1528575.pdf?OpenElement>

¹² URL: <https://www.eui.eu/ProgrammesAndFellowships/AcademicCareersObservatory/>

¹³ Информацию о средней заработной плате удалось найти в базах данных ЕС, ОЭСР и СНГ.

¹⁴ Это касается и Республики Беларусь – ни в одном из открытых информационных материалов Национального статистического комитета страны не удалось найти данных о средней зарплате отечественных хирургов, терапевтов, медперсонала, преподавателей различных ступеней получения образования и исследователей.

ответствующих значений по странам. С учетом высокой общественной значимости здравоохранения, образования и науки можно предположить, что уровень компенсации в этих сферах должен быть, по крайней мере, не ниже среднего по экономике, в противном случае они вряд ли смогут сохранить свой кадровый потенциал, тем самым способствуя укреплению макроконкурентоспособности.

Наиболее распространенными показателями финансирования социальной сферы в целом является уровень общих расходов на нее по отношению к валовому внутреннему продукту, доля в них государства или общественного сектора, а также соответствующие удельные (т. е. на душу населения) показатели, выраженные как в текущих, так и в постоянных ценах по паритету покупательной способности. Такой же подход целесообразно использовать и при анализе ключевых аспектов финансирования здравоохранения, образования и науки с точки зрения макроконкурентоспособности. Общий уровень расходов к ВВП в данной связи позволяет оценить относительную приоритетность данных составляющих как в международном, так и в историческом контексте, тогда как из анализа доли государства в них можно сделать выводы о стабильности и перспективах соответствующего финансирования. Наконец, исследование его удельных показателей необходимо для адекватной оценки потенциала здравоохранения, образования и науки в условиях научно-технического прогресса, делающего необходимым постоянное обновление материально-технической базы данных секторов. Особенно актуальным это представляется для здравоохранения и науки, эффективность работы которых иногда напрямую определяется техническими характеристиками используемого оборудования и инфраструктуры (Figueras, Robinson, Jakubowski, 2005)¹⁵. Очевидно, что чем выше будут удельные медицинские и научные расходы, в том числе в текущих ценах, тем больше будут возможности, а во многих случаях и сама вероятность обновления материально-технической базы как здравоохранения и науки,

так и образования, которое призвано обеспечивать их квалифицированными специалистами, способными извлечь максимальную пользу из достижений научно-технического и социального прогресса.

* * *

Все параметры анализа современной социальной сферы с точки зрения ее связи с макроконкурентоспособностью представлены в табл. 3. Безусловно, они не могут рассматриваться как универсальные или исключительные при анализе современной социальной сферы в любой стране мира, особенно в том, что касается ее эффективности. Тем не менее в исследовании макроконкурентоспособности постсоциалистических стран, и особенно тех из них, которые обладают малой открытой экономикой и участвуют в процессах региональной интеграции (а это в том числе касается и Республики Беларусь), они представляются вполне адекватными¹⁶. Такой подход должен также обозначить наиболее проблемные аспекты развития отечественного здравоохранения, образования и науки с точки зрения оптимального и неизбежного регулятивного воздействия, согласующегося как с текущими политэкономическими императивами, так и с Целями устойчивого развития ООН.

Беларусь отличается от большинства постсоциалистических стран не только своим отказом от практического воплощения неолиберальных догм, что позволило минимизировать социальные издержки трансформации, но и последовательной приверженностью принципам социальной ориентированности в экономической политике. Тем не менее мировой финансово-экономический кризис, обострение конкуренции на ключевых экспортных рынках и традиционно консервативный подход к решению внутренних социально-экономических проблем постепенно ослабляют экономический статус развитой социальной сферы страны. Особенно очевидным это стало в последние годы в контексте реализации относитель-

¹⁵ Public research policy [electronic resource]: OECD: <https://www.oecd.org/sti/outlook/e-outlook/stipolicyprofiles/competencestoinnovate/publicresearchpolicy.htm>

¹⁶ Более детальный сравнительный анализ социальной сферы членов ОЭСР и постсоциалистических стран по предложенной матрице целесообразно рассматривать в качестве тематики отдельных публикаций.

Ключевые параметры современной социальной сферы, связанные с макроконкурентоспособностью

Составляющие социальной сферы	Параметры кадрового обеспечения	Параметры финансового обеспечения
Здравоохранение	Обеспеченность хирургами	Общие расходы на здравоохранение к ВВП
	Обеспеченность терапевтами	Доля государственных в общих расходах на здравоохранение
	Обеспеченность вспомогательным медперсоналом	Удельные общие расходы на здравоохранение в текущих ценах
	Уровень оплаты труда в здравоохранении	Удельные общие расходы на здравоохранение по ППС в постоянных ценах
Образование	Количество учащихся на одного преподавателя в дошкольных учреждениях	Общие расходы на образование к ВВП
	Количество учащихся на одного преподавателя в начальной школе	Доля государственных расходов в общих расходах на образование
	Количество учащихся на одного преподавателя в средней школе	Удельные общие расходы на образование в текущих ценах
	Количество учащихся на одного преподавателя в высшей школе	
	Уровень оплаты труда в образовании	Удельные расходы на образование в постоянных ценах по ППС
Наука	Общая кадровая обеспеченность науки	Общие расходы на науку к ВВП
	Обеспеченность исследователями	Доля государственных расходов в общих расходах на науку
	Уровень оплаты труда в науке	Удельные общие расходы на науку в постоянных ценах по ППС

Источник. Авторская разработка.

но жесткой денежно-кредитной политики, следствием которой стало сокращение, прежде всего в реальном выражении, и социальных расходов. Одновременно с этим все чаще слышны мнения о необходимости оптимизации социальной сферы, ее дальнейшей коммерциализации через расширение спектра платных услуг, более активное вовлечение частного сектора, в том числе путем приватизации. В то же время опыт промышленно развитых стран, и прежде всего скандинавских, свидетельствует о том, что в условиях экономической нестабильности государство не только не ослабляет свое присутствие в социальной сфере, а наоборот, его усиливает. Не в последнюю очередь это может быть обусловлено адекватной оценкой ее влияния на макроконкурентоспособность, что подтверждается стабильно ведущими позициями членов ОЭСР, в особенности скандинавских, в рейтингах и человеческого развития, и глобальной конкурентоспособности. Именно бла-

годаря развитой социальной сфере высокий индекс человеческого развития стабильно присущ и Беларуси, и именно с помощью социальной сферы, прежде всего здравоохранения, образования и науки, можно обеспечить как высокий уровень макроконкурентоспособности национальной экономики, так и статус промышленно развитого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Dräger S., Dal Poz M., Evans D.** 2006. *Health Workers Wages: An Overview from Selected Countries*. Geneva: World Health Organization.
- Figueras J., Robinson R., Jakubowski E.** (Eds.). 2005. *Purchasing to Improve Health Systems Performance*. Berkshire: Open University Press.
- Kornai J.** 2001. The Role of the State in a Post-Socialist Economy. *Leon Koźmiński Academy of Entrepreneurship and Management and TIGER Distinguished Lectures Series*. No 6.

Siniscalco M.T. 2004. *Teachers' Salaries*. Paris: UNESCO.

Глазьев С. 2007. О стратегии экономического развития России. *Вопросы экономики*. № 5. С. 30–51. [Glazyev S. 2007. On Russia's economic development strategy. *Voprosy ekonomiki*. No 5. PP. 30–51. (In Russ.)]

Кристиневич С. 2017. Сохранение национального человеческого капитала как фактор экономической безопасности. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 23–36. [Kristinevich S. 2017. Maintaining national human capital as a factor of economic security. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 4. PP. 23–36. (In Russ.)]

Манцурова Н. 2013. Роль социального страхования в системе социальной защиты населения. *Аграрная экономика*. № 1. С. 67–70. [Mantsurova N. 2013. Role of social insurance in the social protection system. *Agrarnaya ekonomika*. No 1. PP. 67–70. (In Russ.)]

Ярошевич В. 2016. Политэкономические аспекты макроконкурентоспособности стран с малой открытой экономикой. *Труд. Профсоюзы. Общество*. № 4. С. 39–45. [Yarashevich V. 2016. Political economy aspects of small open economies' macrocompetitiveness. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. No 4. PP. 39–45. (In Russ.)]

Ярошевич В. 2017а. Макроконкурентоспособность малой открытой экономики. *Вести Института предпринимательской деятельности*. № 2. С. 61–71. [Yarashevich V. 2017а. Macrocompetitiveness of a small open economy. *Vesti Instituta predprinimatelskoi deyatelnosti*. No 2. PP. 61–71. (In Russ.)]

Ярошевич В. 2017б. Новая индустриализация: характер и воздействие на макроконкурентоспособность в условиях трансформации. *Наука и инновации*. № 8. С. 4–8. [Yarashevich V. 2017б. New industrialization: scope and impact on macrocompetitiveness during the transformation. *Nauka i innovatsii*. No 8. PP. 4–8. (In Russ.)]

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskiy zhurnal*. 2018. No 1. PP. 97–107.

Belarusian Economic Journal. 2018. No 1. PP. 97–107.

SOCIAL SPHERE AS A FACTOR OF MACROCOMPETITIVENESS

Viachaslau Yarashevich¹

Author affiliation: ¹ Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Viachaslau Yarashevich (yarashevich@bsu.by).

ABSTRACT. The article explores methodological aspects of analyzing social sphere as a factor of macrocompetitiveness with an emphasis on health care, education and science. It is these sectors which ensure returns on social capital during the innovation process given adequate personnel and financial provision guaranteed by the state. Its special role here is determined by numerous factors, the key one related to constant need of knowledge generation and inability to privatize it in the framework of globalization and advances in science and technology. The article concludes that continuous state support of health care, education and science in Belarus would strengthen its macrocompetitiveness.

KEYWORDS: macrocompetitiveness, social sphere, postsocialist transformation.

JEL-code: F63, H50, P20.

Received 19.01.2018

